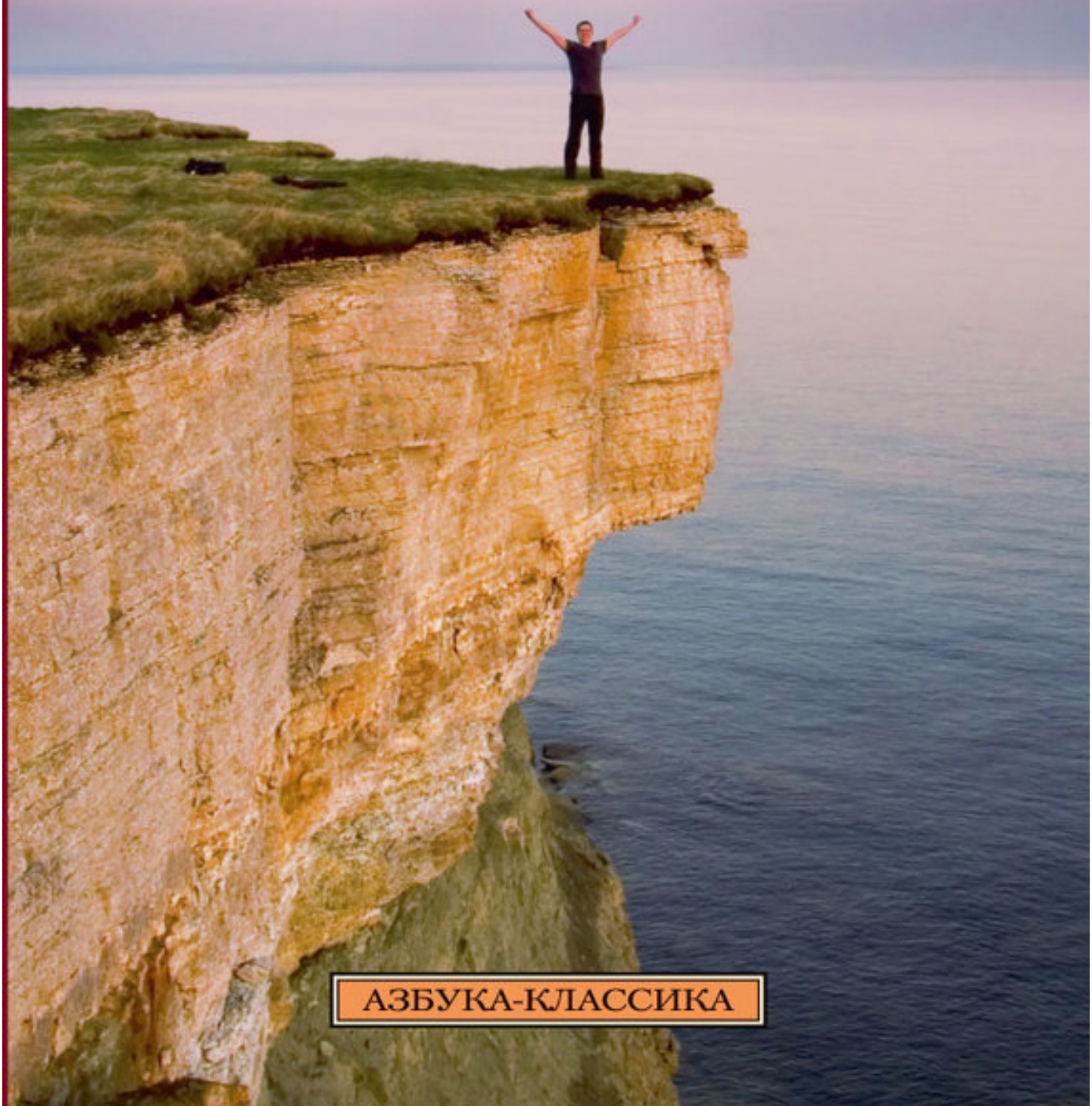
ДЖЕК
КЕРУАК

Биг-Сур



АЗБУКА-КЛАССИКА

Джек Керуак

Биг-Сур

«Азбука-Аттикус»
1962

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Керуак Д.

Биг-Сур / Д. Керуак — «Азбука-Аттикус», 1962

ISBN 978-5-389-05794-4

Предлагаем вниманию читателей знаменитый роман современного классика в полном переводе, включая поэму «Море», являющуюся его неотъемлемой частью. Джек Керуак дал голос целому поколению в литературе, за свою короткую жизнь успел написать около 20 книг прозы и поэзии и стать самым известным и противоречивым автором своего времени. Одни клеймили его как ниспровергателя устоев, другие считали классиком современной культуры, но по его книгам учились писать все битники и хипстеры – писать не что знаешь, а что видишь, свято веря, что мир сам раскроет свою природу. Роман «В дороге» принес Керуаку всемирную славу и стал классикой американской литературы; это был рассказ о судьбе и боли целого поколения, выстроенный как джазовая импровизация. Несколько лет назад рукопись «В дороге» ушла с аукциона почти за 2,5 миллиона долларов, а в 2012 году роман обрел наконец и киновоплощение; продюсером проекта выступил Фрэнсис Форд Коппола (права на экранизацию он купил много лет назад), режиссером – Уолтер Саллес (прославившийся фильмом «Че Гевара: Дневники мотоциклиста»), роли исполнили Вигго Мортенсен, Стив Бушеми, Кирстен Данст, Эми Адамс. За романом «В дороге» последовали «Бродяги Дхармы», за «Бродягами Дхармы» – «Биг-Сур», документирующий борьбу «короля битников» с кризисом среднего возраста и мифом, который сам же Керуак и породил; борьбу огромного таланта и такой же огромной тяги к саморазрушению. Роман «Биг-Сур» также был экранизирован, причем главную роль в картине Майкла Полиша, впервые предъявленной публике в январе 2013 года на фестивале независимого кино «Сандэнс», исполнил Жан-Марк Барр – звезда фильмов Ларса фон Триера.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-05794-4

© Керуак Д., 1962
© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

От автора 7
Биг-Сур 8
1 8
2 10
3 11
4 13
5 14
6 17
7 20
8 23
9 24
10 26
11 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Джек Керуак
Биг-Сур

Jack Kerouac
BIG SUR
Copyright © Jack Kerouac, 1962
All rights reserved
© А. Герасимова, перевод, 2011
© Е. Калявина, перевод, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

От автора

Все, что я пишу, складывается в одну большую сагу вроде прустовской, с тем отличием, что мои воспоминания зафиксированы на бегу, а не через много лет больным в постели. Мои первые издатели не позволили мне использовать от романа к роману одни и те же имена определенных персонажей. «В дороге», «Подземные», «Бродяги Дхармы», «Доктор Сакс», «Мэгги Кэссиди», «Тристесса», «Ангелы Опустошения», «Видения Коди» и другие книги, включая эту, «Биг-Сур», – лишь главы одного большого целого, которое я называю «Легендой о Дулуозе». Когда-нибудь в старости я соберу все эти главы воедино, восстановлю единообразие имен в моем пантеоне, оставлю длинную полку книг и умру счастливым. Это одна огромная комедия, увиденная глазами бедного Ти-Жана (меня), вдобавок известного, как Джек Дулуоз, это мир буйного действия и безрассудства, но также любви и красоты, увиденный сквозь замочную скважину его глаза.Все, что я пишу, складывается в одну большую сагу вроде прустовской, с тем отличием, что мои воспоминания зафиксированы на бегу, а не через много лет больным в постели. Мои первые издатели не позволили мне использовать от романа к роману одни и те же имена определенных персонажей. «В дороге», «Подземные», «Бродяги Дхармы», «Доктор Сакс», «Мэгги Кэссиди», «Тристесса», «Ангелы Опустошения», «Видения Коди» и другие книги, включая эту, «Биг-Сур», – лишь главы одного большого целого, которое я называю «Легендой о Дулуозе». Когда-нибудь в старости я соберу все эти главы воедино, восстановлю единообразие имен в моем пантеоне, оставлю длинную полку книг и умру счастливым. Это одна огромная комедия, увиденная глазами бедного Ти-Жана (меня), вдобавок известного, как Джек Дулуоз, это мир буйного действия и безрассудства, но также любви и красоты, увиденный сквозь замочную скважину его глаза.

Джек Керуак

Биг-Сур
Роман

1

Церковные колокола бросают на ветер печальную мелодию «Катлин», она разносится над трущобами скид-роу, где я просыпаюсь со стоном, несчастный, бедственно слипшийся после очередной пьянки, и главный стон оттого что сам поломал все инкогнито своего возвращения в Сан-Франциско, надрался как идиот с бродягами в закоулках и поломился прямо в Норт-Бич всех повидать хотя мы с Лоренсо Монсанто заранее в обширной переписке разработали подробный план как я по-тихому прокрадываюсь в город, звоню ему, называю кодовые имена: Адам Юлч или Лаладжи Палвертафт (тоже такие писатели) и он тайно отвозит меня в свою хижину в лесах Биг-Сура полтора месяца в безмятежном уединении рубить дрова, таскать воду, сочинять, спать, гулять и т. д. – Вместо этого я врываюсь пьяный в его книжную лавку «Огни большого города» в самый разгар субботнего вечера и все меня узнают (несмотря на маскировку – рыбацкий плащ, шляпу и непромокаемые штаны) и с грохотом катятся в загул по всем знаменитым барам – вот он хренов «король битников», вернулся и поит всех подряд – И так два дня, включая воскресенье, когда Лоренсо по идее должен заехать за мной в «секретную» гостиницу на скид-роу («Марс-отель» на углу 4-й и Говард-стрит), но я не отвечаю на звонок, служитель отпирает ему дверь, и что же он видит – на полу среди бутылок валяюсь я, рядом частично под кроватью Бен Фейган, на кровати храпит художник-битник Роберт Браунинг – «Ладно, – думает, – заберу его в следующие выходные, он наверное хочет отвиснуть недельку в городе, как обычно», – ну и уезжает в свой Биг-Сур без меня уверенный что поступил правильно, но боже мой, вот я просыпаюсь – а Бен с Браунингом уже ушли как-то умудрившись втащить меня на кровать, – под эти колокола так печально вызванивающие «Вернись ко мне моя Катлин» в туманных ветрах над крышами мрачно-похмельного Сан-Франциско, ооо вот я и допрыгался, не в силах уже довлачить бренное тело свое даже до спасительного убежища в лесах, не говоря уже о прямохождении по городу – Впервые я покинул дом (дом моей матери) с тех пор как напечатали «Дорогу», книгу «принесшую мне известность» до такой степени что три года меня сводил с ума бесконечный поток телеграмм, звонков, предложений, писем, репортеров, непрошеных гостей (только соберешься писать рассказ, под окном голос: ВЫ ЗАНЯТЫ?), или залетает газетчик в спальню где я сижу в пижаме, пытаясь записать сон – Подростки лезут через шестифутовый забор который я выстроил пытаясь отстоять свое право на личную жизнь – Веселые компашки с бутылками орут под окном кабинета: «Джек, выходи, хорош работать, пошли напьемся!» – Приходит тетка, говорит: «Я не спрашиваю, вы ли Джек Дулуоз, потому что он с бородой, только скажите пожалуйста как его найти, мне нужен настоящий битник на наш ежегодный вечер с танцами» – Пьяные визитеры блюют в кабинете, воруют книжки и даже карандаши – Незваные приятели неделями зависают на чистых простынях и сытной маминой кормежке – И я пьяный практически постоянно, чтобы как-то соответствовать этому бардаку, но в конце концов осознаю что окружен превосходящими силами противника, надо бежать, уединение или смерть – А тут Лоренсо пишет: «Приезжай, хижина ждет тебя, никто не узнает» и т. д., и я как уже сказано смылся из дому (Лонг-Айленд, Нортпорт) в Сан-Франциско, проехал 3000 миль в чудесном купе скорого поезда «Калифорнийский Зефир», глядя как мелькает в моем личном окошке Америка, впервые за три года был как следует счастлив, три дня и три ночи в купешке, растворимый кофе и бутерброды – Вверх по долине

Гудзона, сквозь штат Нью-Йорк до Чикаго и далее прерии, горы, пустыня, наконец Калифорнийский хребет, все так легко и без усилий, будто сон, не то что трястись на попутках в прежние скудные времена, когда я еще не заработал себе на трансконтинентальный экспресс (по всей Америке студенты и школьники уверены: «Джеку Дулуозу 26 лет и он все время ездит автостопом» – а мне почти 40, я стар, устал, измучен и мчусь в купе по Американской равнине) – Ну и что же, прекрасный старт к убежищу столь щедро предложенному славным стариной Монсанто, только вместо легкого и гладкого продолжения я просыпаюсь пьяный, больной, в мерзости запустения, в ужасе от тоскливого колокола над крышами вперемешку со слезными воплями с улицы, где митингует Армия спасения: «*Сатана* – причина твоего пьянства, *Сатана* – причина твоей распущенности, *Сатана* подстерегает тебя повсюду – *покайся!*» – и хуже того: слышно, как старые пьяницы блюют в соседних комнатах, скрипят ступенями, стонут – И этот стон, разбудивший меня, мой собственный стон на скомканных простынях, стон, порожденный чем-то огромным, ухнувшим в моей голове и сорвавшим ее с подушки как призрак.

2

И я озираю эту жалкую клетку, вот мой полный надежд рюкзак аккуратно набитый всем необходимым для жизни в лесу, вплоть до неотложной аптечки и хитростей пропитания, даже швейный наборчик заботливо собранный мамой (иголки, нитки, булавки, пуговицы, алюминиевые ножнички) – Даже медальончик святого Христофора, с надеждой нашитый ею на клапан рюкзака – Полный походный набор вплоть до последнего свитерочка, носового платочка и теннисных тапочек (для прогулок) – И весь этот рюкзак многообещающе возвышается над безобразным завалом – бутылки из-под белого портвейна, окурки, мусор, кошмар… «Живо, или я пропал», – понимаю я: пропал обратно в пьяную безнадегу последних трех лет, физическую, духовную и метафизическую безнадегу, которую не проходят в школе, сколько ни читай экзистенциалистов или пессимистов, сколько ни глотай айяуаски, мескалина или пейотля – О это пробуждение в делириум тременс, смертельный ужас течет из ушей подобно увесистой паутине какую плетут пауки жарких стран; ты будто горбатое чудище, что ревет под землею в горячей дымящейся жиже влача в никуда долгое жаркое бремя; будто стоишь по колено в кипящей свиной крови, ох по пояс в огромной сковороде дымящихся жирных помоев без капельки мыла – Лицо себя самого в зеркале исполненное невыносимой муки так горестно и безобразно что нельзя даже оплакивать этот предмет – столь уродливый, потерянный, утративший всякую связь с задуманным образцом и тем самым с какими бы то ни было слезами; будто вместо тебя самого в зеркале вдруг берроузовский «чужой» – Хватит! «Живо, или я пропал», – вскакиваю, для начала на голову, чтобы кровь прилила к заплывшим мозгам; душ в коридоре, свежая футболка, носки, белье, яростно собираюсь, хватаю рюкзак, выбегаю прочь, швырнув ключи на стойку, и вот я на холодной улице, мчусь в ближайший магазин за двухдневным запасом еды, пихаю покупки в рюкзак, бегом вдоль унылых улиц русской тоски, где бродяги уткнувшись лбами в колени сидят на туманных порогах ночного ужасного города откуда надо смотаться, иначе смерть – на автобусную остановку – Через полчаса я в автобусе с надписью «Монтерей», мы несемся по чистой неоновой трассе и всю дорогу я сплю, просыпаюсь изумленный, снова здоров, запах моря, водитель расталкивает меня: «Монтерей, конечная». – И это ей-богу Монтерей, я стою сонный в два часа ночи, через дорогу смутно маячат рыбацкие мачты. Осталось проехать четырнадцать миль по побережью до моста через Рэтон-каньон, а там пешком.

3

«Живо, или я пропал», – и я просаживаю восемь долларов на такси, ночь туманна, но иногда справа, где море, проблескивают звезды, а моря не видно, о нем только слышно от таксиста – «Что тут за места? Я первый раз».

– Сейчас увидишь – Рэтон-каньон, смотри осторожно там в темноте.

– А что?

– Фонарик есть? Фонарем свети —

И точно, когда он высаживает меня у моста и пересчитывает деньги, я чую что-то не то, слышу страшный рев прибоя, но как-то не оттуда, откуда-то снизу – Вижу мост а под ним ничего не видать – Мост перекидывает прибрежное шоссе с утеса на утес, аккуратный белый мостик с белыми перилами, с той же знакомой шоссейной белой полосой, но что-то тут не так – Фары такси выхватили из тьмы кусты и провалились в пустоту где по идее должен быть каньон, мы как будто подвешены в пустоте хотя под ногами грунтовая дорога и сбоку нависший уступ – «Что за черт?» – Монсанто присылал мне карту и я запомнил куда идти, но воображение рисовало мне нечто веселенько-буколическое, милый лесной уют, а вовсе не эту ревущую во тьме невесомую тайну – Такси уезжает, я включаю свой железнодорожный фонарь дабы скромно осмотреться, но луч его как и фары теряется в пустоте и вообще батарейка слабовата, даже стену уступа слева не разглядеть как следует – Что до моста, его не видно совсем, кроме ряда люминесцентных пятнышек на обочине, уходящих в утробный рев моря – Море ярится где-то внизу, лает на меня словно пес из тумана, бьется волнами об землю, но боже мой, где она эта земля, может ли море быть под землей? – Выход один, – сглатываю я, – свети фонариком прямо перед собой, братец, иди вслед за ним, старайся светить прямо на тропу и молись и надейся что он светит на твердую землю которая должна быть там куда он светит, – Иными словами, я опасаюсь что даже фонарик собьет меня с пути если я осмелюсь хоть на миг оторвать его от тропы – Единственное что удается вычленить из этой ревущей тьмы – гигантские тени крепленого ободка которые отбрасывает фонарь на отвесную стену слева от тропы, – справа (где мечутся на ветру кусты) теней нет, там свету не за что зацепиться – И вот я пускаюсь в свой трудный путь, рюкзак за спиной, голова опущена чтобы следить за пятном света от фонаря, голова опущена а глаза подозрительно поглядывают чуть выше как в присутствии опасного идиота, коего лучше не раздражать – Сначала тропа идет вверх, заворачивает вправо, затем немножко вниз и вдруг опять вверх и вверх – Теперь грохот моря удаляется и в какой-то момент я даже останавливаюсь оглянуться и не увидеть ничего – «Погаси фонарь и посмотрим что видно», – говорю я врастая ступнями в тропу – Хрен ли толку, ничего не видно, только смутный песок под ногами. Карабкаясь вверх и удаляясь от морского шума, я начинаю чувствовать себя увереннее и вдруг натыкаюсь на что-то страшное, выставляю руку – ничего особенного, переправа для скота, железные перила поперек дороги, но тут слева, где по идее должен быть утес, шарахает порыв ветра, я туда фонариком, а там пустота – «Что за дьявольщина!» – «Держись тропы», – говорит другой голос, пытаясь сохранять спокойствие, я и держусь, вдруг справа какой-то треск, свечу туда, но там лишь зловеще мечутся сухие кусты, самые подходящие для гремучих змей (змея и была, они не любят, когда их будят по ночам горбатые чудища с фонарями). Но дорога снова стремится вниз, и утверждается слева утешительный утес, и очень скоро, сколько я помню по карте, должен быть ручей, я слышу его ропот и лепет на дне темноты, там по крайней мере настоящая земля а не гул запредельных высей – Но тропа ныряет внезапно и круто, я почти бегу, и чем ближе ручей, тем громче его шум, не успеешь оглянуться – свалишься туда – Бешеным потоком грохочет он прямо внизу подо мной – И там внизу еще темнее чем вокруг! Там заросли осоки, папоротники ужаса и скользкие

бревна, мхи, опасные всплески, влажный туман хладно клубится дыханием гибели, ветви больших деревьев угрожающе склоняются надо мной, шоркают по рюкзаку – Я знаю, чем ниже, тем громче грохот, и в страхе перед тем насколько он может вырасти я замираю и слушаю как клокочет темная тайна, мокрая битва, трещат стволы или камни, все вдребезги, глубокая черная угроза воды и земли – Страшно спускаться – Я боюсь, afraid как affrayed от слова «fray», как у Эдмунда Спенсера, выхлестывает как кнутом, причем мокрым – Склизкий зеленый ящер бьется и вьется в кустах – Злая битва ярится кругом, меня здесь не ждут – Она здесь миллионы лет не для того чтобы скрещивать с кем попало мечи своей тьмы – Она выпутывается из чудовищных корневищ могучей секвойи, из тыщи расщелин вселенной – грохочущий колокол чащи не хочет пропускать трущобного бродяжку к морю – которое, кстати, тоже довольно зловеще и ждет – Я почти ощущаю как море тащит к себе этот шквал из кустов, но со мной мой фонарик, все что осталось – это держаться славной песчаной тропинки, все ниже и ближе к темной резне, и вдруг полого, и бревна моста, и перила, поток всего в четырех футах внизу, перейди, пробужденный бродяга, поглядим, что на том берегу. Быстрый взгляд на воду с моста, вода как вода на камнях, ручей как ручей.

И вот предо мною сонная поляна, колючая проволока и старые добрые ворота корраля, дорога сворачивает влево, но тут я с ней расстанусь; продравшись сквозь колючку я оказываюсь на чудесной песчаной тропинке, вьющейся меж хрупких кустов сухого вереска, – словно вырвался из ада в милый знакомый рай земной, слава тебе господи (правда, минуту спустя опять сердце ёкает – на белом песке впереди какие-то черные штуки, но это всего лишь лепешки навоза, оставленные старым добрым мулом здешнего рая).

4

А поутру (выспавшись в белом песке у ручья) я понимаю чем так страшен был мой путь – Тропа идет по стене на высоте тысячи футов, порой у самого обрыва, особенно там где перегон для скота, там еще сквозь пролом в утесе валит туман из соседней бухты, страшное дело, как будто одной мало было – Но хуже всего мост! Пробежавшись вдоль ручья в сторону моря, я вижу этот гибельный белый штрих в тысяче непреодолимых ахов вверху над моим крошечным лесом, просто невероятно, и чтоб было еще сердце-в-пяточнее – из-за поворота сузившейся тропинки выскакивает белопенный прибой и с грохотом рушится мировая волна, хоть отступай и спасайся в холмах – Более того, морскую синеву позади бушующего прибоя утыкали черные скалы, людоедские замки сочащиеся гибельной слизью, грозный оплот вековечной тоски с раболепными ртами пены у ног – Вот так вылетаешь с уютной лесной тропинки, с травинкой в зубах – и роняешь ее, узрев пред собой Страшный суд – Смотришь вверх на этот невероятно высокий мост и чуешь смерть, так и есть: под мостом возле самого моря – оп, ёкает сердце – машина, проломившая перила лет десять назад, пролетев тыщу футов, навзничь свалилась в песок и до сих пор там, торчит в небеса ржавыми колесами в разбрызганном беге изъеденных солью покрышек, торчат соломой драные сиденья, одинокий бензиновый насос, а людей больше нет —

Везде возвышаются острые выступы скал, в проломах пенясь плещется море, бум и шлеп на берег, смывая песок (тут вам не пляж Малибу) – А обернешься – вьется вверх по ручью уютный лесочек, чем не вермонтский пейзаж – А глянешь в небо – бог мой, прямо над тобой этот немыслимый мост, тонкий белый штришок со скалы на скалу, и безумные автомобили несутся по нему, словно сны! Со скалы на скалу! Над беснующимся побережьем! Так что позже слыша от людей: «О, Биг-Сур, должно быть красиво!» – я сглатывал, не силах понять, почему считают «красивым» этот Блейков грозный ужас, эти родильные муки скрежещущих скал, эти виды, что открываются в солнечный день вдоль всего побережья на всю эту адскую стирку, дьявольскую лесопилку.

5

Страшно было даже на другом мирном краю Рэтон-каньона, на восточной его стороне, где Альф, домашний мул местных жителей, спал ночами соннейшим из снов под купой причудливых деревьев, а утром пасся в траве и проделывал медленный путь к побережью, где недвижно стоял в песке у воды героем древнего мифа – Позже я назвал его Альф Осел Священный[1] – Страшной же была гора, возвышавшаяся там на востоке, бирманского типа гора с прихотливыми террасами и странной рисовой шляпой на макушке, куда я смотрел с бьющимся сердцем даже вначале, пока был еще в порядке (а через полтора месяца в полнолуние 3 сентября я сойду в этом каньоне с ума) – Гора напоминала мне мой недавний возвратный ночной кошмар о Нью-Йорке, сон о «Горе Мьен-Мо», где стаи летучих лунных коней в поэтически развевающихся накидках кружат вокруг вершины на высоте «тысячи миль» (как говорилось во сне), там на вершине в одном из призрачных снов я видел огромные каменные скамьи в надмирной лунной тиши словно некогда принадлежавшие богам или великанам но давным-давно опустевшие, покрытые пылью и паутиной, и зло скрывалось где-то в глубине пирамиды где жило чудовище с большим бьющимся сердцем и что страшнее всего жалкие грязные уборщики, совершенно обычные, варили что-то на костерках – Узкие пыльные щели, куда я пытаюсь протиснуться опутанный ожерельем из помидорных плетей – Сны – Алкогольные кошмары – Бесконечные серии снов крутились вокруг этой вершины, в самый первый раз это была красивая но как-то устрашающе зеленая гора в клубах зеленоватой мглы, возвышающаяся над тропиками какой-то как бы «Мексики», но в то же время вокруг – пирамиды, пересохшие русла рек, другие страны полные вражеской пехоты, причем основная опасность – хулиганье, что кидается камнями по воскресеньям – И вот тут эта печальная гора как гора, да еще этот мост и машина, небось перевернулась в воздухе пару раз прежде чем грохнуться навзничь в песок – ни следа человеческих рук или ног или порванных галстуков (хоть сочиняй страшный стишок про Америку), ах и УХАНЬЕ сов в старых дуплистых стволах туманной чащобы на том конце каньона, куда я так и побоялся ходить – Это неприступный отвес у подножия Мьен-Мо и дальше грубо скрюченные мертвые деревья и непролазный кустарник и заросли вереска бог знает насколько глубокие, с тайными пещерами которых никто никогда не исследовал, даже индейцы десятого века – И огромный разлапистый папоротник среди разломанных молнией хвойных гигантов; мирно идешь по тропе и вдруг совсем рядом вырастает черная, тронутая вьюнком поверхность утеса – И океан нависает откуда-то сверху, как в порту на старинной гравюре (что с содроганием отметил Рембо) – Столько зловещих примет, а потом еще эта летучая мышь когда я спал во дворе на лежанке, она закружила над головой совсем низко, древний страх: а ну как вцепится в волосы, эти бесшумные крылья, вам бы понравилось проснуться среди ночи оттого что бесшумные крылья бьют по лицу и спросить себя: Верю ли я в вампиров? – На самом деле мышь влетела в мою освещенную лампой хижину в три часа ночи, когда я сидел и читал – что бы вы думали? (бррр) «Доктора Джекила и мистера Хайда» – В общем-то неудивительно, что я сам за каких-то полтора месяца превратился из безмятежного Джекила в издерганного Хайда, впервые в жизни потеряв контроль над механизмом умиротворения собственных мозгов.

Но ах, сколько чудных было дней и ночей вначале, когда мы с Монсанто съездили в Монтерей за двумя ящиками провианта и я согласно уговору получил три недели одиночества – Я был счастлив и ничего не боялся настолько, что в первую ночь даже засветил мощным Лорриным фонарем прямо под мост, словно жутким пальцем пронзив туман

[1] Ср.: «Где Альф бежит, поток священный» – из «Кубла-хана» С. Т. Кольриджа (пер. К. Бальмонта).

и уткнувшись в бледное брюхо его чудовищного высочества; я закинул луч даже в непаханую морскую даль, сидя ночью в обрушивающейся темноте в своем рыбацком костюме и записывая разговоры моря – И что хуже всего, на заросшие стены утесов где ухали совы у-ху! – Осваивался, глотая страхи, обживался в маленькой хижине с теплым отблеском печки и керосиновой лампой, кыш отсюда, привидения – Домик отшельника-бхикку в лесах, бхикку хочет только покоя и обретет покой – Но почему через три недели блаженного мира и счастья в этом странном лесу душа моя так пошла вразнос когда я вернулся сюда с Дейвом Уэйном, Романой и моей подругой Билли с ребенком, никак не пойму – Если рассказывать, то только подробно.

А ведь как прекрасно было сначала, даже тот случай со спальником – я повернулся во сне а он порвался и полезли перья, пришлось подниматься ругаясь и латать прореху, иначе к утру все перья были бы снаружи – Вот склоняюсь я бедной материнской головушкой над иголкой с ниткой у очага под керосиновой лампой – И тут врываются эти бесшумные крылья, хлопают, мечут тени по всему домику, проклятая летучая крыса – А я пытаюсь зашить свой старый ветхий спальный мешок (пострадавший хуже всего от пота, когда меня трясла лихорадка в гостинице в Мехико после землетрясения 1957 года, кое-где нейлон совсем прогнил от этого застарелого пота но все еще мягок настолько что приходится отрезать лоскут от старой рубашки и нашивать заплатку) – Помню, я поднял голову над своим полночным шитьем и произнес: «Да, в долине Мьен-Мо водятся летучие мыши» – Но потрескивает очаг, ложится заплатка, урчит и булькает снаружи ручей – Сколько голосов у ручья, просто невероятно, от глубинного грома литавр до легкого женского лепета на мелких камешках, внезапные припевы других голосов с бревенчатой запруды хлип-хлюп ночь напролет, день напролет, поначалу голоса ручья забавляют меня но позже той ужасной ночью безумия превратятся в ропот и восстание ангелов зла в моей голове – В конце концов дело уже не в мыши и не в заплатке, я просто слишком проснулся чтобы опять заснуть, время три часа, я раскочегариваю очаг, устраиваюсь читать и прочитываю весь роман «Доктор Джекил и мистер Хайд», хорошенькое карманное издание в кожаном переплете оставленное здесь умницей Монсанто – небось сам читал вот так среди ночи широко раскрытыми глазами – Последние изящные фразы дочитаны на рассвете, пора вставать, набирать воду в говорливом ручье и готовить завтрак, оладьи с сиропом – «Стоит ли раздражаться по мелочам, – говорю я себе, – подумаешь, спальник порвался, храни самообладание – «Черт бы побрал этих летучих тварей», – добавляю я.

В самом деле, какой восхитительный старт, первый вечер когда я один, можно приготовить первый ужин, вымыть первую посуду, лечь вздремнуть и пробудившись услышать торжественный звон тишины, неба, рая даже внутри лопотанья, сквозь лопотанье ручья – И сказать Я ОДИН, и хижина вдруг станет домом, просто потому что впервые приготовил еду и вымыл посуду – Вечереет, целомудренный свет чудесной керосиновой лампы, днем я бережно отмыл калильную сетку в ручье и вытер туалетной бумагой, но от бумаги налипли соринки, пришлось мыть опять и на сей раз просто сушить на солнышке, на вечернем солнце быстро исчезающем за отвесными стенами каньона – Вечереет, керосиновая лампа озаряет хижину, я выхожу нарвать папоротника, как в Ланкаватара-сутре: «Поглядите, государи мои, какая прекрасная сетка для волос!» – Вечерний туман затекает в чащу каньона, закрывает солнце, становится прохладно, даже мухи на пороге грустят как туман на вершинах – Когда отступает свет дня, отступают и мухи, подобно вежливым мухам у Эмили Дикинсон, а в темноте все они спят где-нибудь на деревьях – В полдень они с тобой в домике, но к вечеру продвигаются ближе к порогу, как это странно и мило – Неподалеку от хижины гудит пчелиный рой, такое ощущение что прямо под крышей; гудение приближается (сердце ёкает), прячешься в домик, мало ли что, вдруг они получили задание навестить тебя, все две тысячи

разом – Но постепенно привыкаешь, оказывается это у них раз в неделю вроде как праздник – И в целом все замечательно.

Даже первая пугающая ночь на берегу, с карандашом и тетрадкой, когда я скрестив ноги сижу на песке лицом ко всему тихоокеанскому гневу бьющемуся о скалы что подобно мглистым башням высятся над бухтой бултыхающейся бурунами в промоинах; дрейфующие города водорослей качаются вверх-вниз едва различимо темнея в фосфоресцирующем ночном освещении – Поднимая глаза я вижу и знаю одно: справа вверху на утесе на кухне домика горит свет, кто-то выстроил себе домик с видом на грозный Сур и теперь уютно ужинает там, вот что я знаю – Свет оттуда горит путеводным маячком подвешенный в тысяче футов над грохочущим побережьем – Кому взбредет в голову строиться там? разве что скучающему седовласому архитектору, искателю приключений, уставшему заседать по конгрессам, и не ровен час разыграется там когда-нибудь орсон-уэллсовская трагедия с вопящими призраками, и женщина в белом пеньюаре сорвется с отвесной скалы – Но на самом деле я представляю себе просто кухню, милый, уютный, может быть даже романтичный ужин там наверху за клочьями воющего тумана, а сам сижу далеко внизу и с печалью гляжу на всю эту вулканову кузницу – Тушу сигаретку «Кэмел» о миллиардолетнюю скалу возвышающуюся надо мной на немереную высоту – Свет окошка льется с вершины скалы, а за ней еще дальше и выше вырастает хребет прибрежного зверя и я глотаю воздух думая: «Словно лежащий пес ежит огромные плечи, замерз сукин сын» – Высится, мерзнет, пугает людей до смерти, но что есть смерть перед лицом всей этой воды, всего этого камня?

Расстилаю спальный мешок на пороге, а в два часа туман превращается в морось, заползаю внутрь, спальник промок, надо устраиваться по новой, но кто не уснет как убитый в одинокой лесной избушке, просыпаешься поздним утром отдохнувший и свежий, безымянно познавший вселенную: вселенная есть Ангел – В конце концов только в лесу приходит эта ностальгия по «большим городам», мечты о долгих серых путешествиях по городам где разворачиваются мягкие вечера, вроде Парижа, но благодаря первобытной невинности лесного здоровья и покоя забываешь как все они утомительны – И я говорю себе: «Будь мудр».

6

Правда, в хижине Монсанто есть недостаток, например нет занавесок или сетки чтобы мухи днем не залетали, только ставни, и если в сырой туманный день оставить их открытыми – слишком холодно, а закроешь – темно, приходится жечь лампу средь бела дня – А больше в общем-то и нет недостатков – Все замечательно – И поначалу просто удивительно: только что гулял по вересковым полянам, прошел полмили – и вот уже дикое мглистое побережье, а надоест то и другое – сиди себе у ручья и мечтай над корягами – Так легко в лесу впадать в дрему и молиться местным духам: «Позвольте мне побыть здесь, я хочу только покоя» – и туманные вершины немо отвечают: ДА – И говорить себе (если вы вроде меня с теологическими замашками) (по крайней мере тогда, пока я не сошел с ума, у меня были такие замашки): «Бог, который есть всё, обладает глазом пробуждения, словно снится длинный сон о невыполнимой задаче, а просыпаешься – бац, нет задачи, все сделано и прошло» – И в потоке радости первых трех дней я уверенно говорю себе (не подозревая что случится со мной всего через три недели): «Хватит растрачивать себя, пора спокойно взирать на мир и даже наслаждаться им, сначала в лесу как сейчас, потом спокойно идти говорить с людьми, не бухать, не торчать, не бузить, не якшаться с битниками, пьяницами, торчками и так далее, не вопрошать себя: «О за что Господь терзает меня», вот что, быть одиночкой, путешествовать, разговаривать только с официантами, на самом деле, в Милане, в Париже, только с официантами, хватит этой добровольной муки… пора начать думать и наблюдать и сосредоточиться на том что через миллиарды лет вся земная поверхность какой мы ее сейчас знаем покроется ровным слоем ила… Ну, за большую одинокость» – «Вернуться в детство, грызть яблоки, читать катехизис – сидя на обочине, к дьяволу голливудские софиты» (это я вспомнил ужасный случай где-то год назад, как мне пришлось три раза репетировать чтение собственной прозы под жарким прожектором шоу Стива Аллена в студии Бербанка, сотня техников ждет когда же я начну, Стив Аллен выжидающе смотрит на меня перебирая клавиши, а я сижу на дурацком стульчике и не могу прочесть ни слова, «Мне не надо РЕПЕТИРОВАТЬ, ей-богу Стив!» – «Ну давай, нам просто нужен звук голоса, последний раз, а с генеральной репетиции я тебя отпущу» – а я сижу потею, ни слова целую минуту, наконец говорю: «Нет, не могу», – и отправляюсь на ту сторону улицы напиться) (но ко всеобщему изумлению вечером все отлично прочел, продюсеры удивлены, мы едем отметить это дело и мне даже выдают голливудскую старлетку, правда она оказалась занудой, пыталась читать мне свои стихи, а про любовь говорить отказывалась – ибо в Голливуде, ребята, за любовь надо денежки платить) – Теперь все эти замечательные длинные воспоминания, когда сидишь, лежишь или гуляешь неторопливо припоминая все детали жизни, обретают (как, должно быть, у Пруста в его запечатанной комнате) качество такого приятного внутреннего кино, которое сам себе показываешь по желанию, для дальнейшего изучения – И развлечения —

И я представляю себе что Бог в данный момент занимается тем же, крутит себе свое кино которое и есть мы.

И даже когда как-то ночью я, счастливый, поворачиваюсь на другой бок чтобы снова заснуть, а прямо по голове моей вдруг прошмыгивает крыса, это к лучшему, ибо тогда я беру раскладушку, поверх нее на обе перекладины кладу широкую доску чтобы не проваливаться в полотно, а на доску два спальника и сверху еще мой, и получается прекраснейшая в мире недоступная для крыс и полезная для спины кровать.

Кроме того я предпринимаю долгие познавательные прогулки вглубь каньона, прохожу несколько миль по грунтовой дороге ведущей к разрозненным фермам и лесным хозяйствам – Выхожу в широкие печальные тихие долины где встречаются 150-футовые секвойи и на верхушке иногда сидит какая-нибудь птичка – Балансирует там озирая туман и вели-

канские деревья – Замечаешь вдалеке на скале одинокий цветок, или нарост на стволе напоминающий маску Зевса, или безмозгленьких божьих созданий мечущихся в лужице родника (вертячек), или табличку на заброшенном заборе: «М. П. Ходли. Хода нет», или заросли папоротника во влажной тени секвойи, и думаешь: «Далеко же отсюда до битников» – Заворачиваешь к дому, а там по тропе мимо хижины к морю, где в тысяче футов под мостом топчется мул, жует или просто стоит и смотрит на тебя карими глазищами райского сада – Этот мул, принадлежащий жителям одной из хижин каньона, по имени как уже сказано Альф, просто бродит из глубины каньона, где его останавливает изгородь корраля, до побережья, где его останавливает море, но когда впервые видишь его, это такой странный гогеновский мул, он метит черным навозом совершенно белый песок, он бессмертен и первобытен, он владыка всей долины – Наконец я даже выясняю где он спит в священной рощице на сонной вересковой поляне – Я скармливаю ему свое последнее яблоко, он принимает его крупными торчащими вперед зубами внутрь мягкой волосатой морды, никогда не укусит, аккуратно берет мое яблоко с протянутой ладони, печально жует и отворачивается чесать себе зад о ствол дерева с таким эротическим самозабвением, что вот уже его собственный ствол стоит столбом и ужаснул бы вавилонскую блудницу, не то что меня.

Много странного и чудесного, ну ровно из музея Рипли[2], например: гигантское дерево свалилось поперек ручья лет может 500 назад, образовав нечто вроде мостика, другой конец ствола тонет теперь в десятифутовом слое ила и высохшей листвы и, удивительное дело, из середины его над водой торчит другое дерево, то ли выросло там, то ли воткнуто Божьей десницей, никак не пойму, стою и гляжу яростно сжевывая арахис горстями будто школьник – (а всего несколько недель назад упал в Боуэри, разбил башку) – И когда мимо едет фермер на машине, у меня в голове разыгрывается сюжет, вот едет фермер Джонс с двумя дочерьми, а я иду себе тихонечко таща под мышкой 60-футовую секвойю, они изумлены и испуганы: «Сон ли это? может ли человек быть столь сильным?» – и вот мой великий дзенский ответ: «Вы всего лишь думаете что я силен», и я продолжаю путь волоча свое дерево – Потом часа два смеялся в клеверном поле – Иду мимо коровы, она провожает меня взглядом сонно роняя лепеху – Вернувшись в домик разжигаю огонь и сижу вздыхая и листья сыплются на жестяную крышу, в Биг-Суре август – Засыпаю в кресле, просыпаюсь лицом к кучерявому перепутанному кустарнику за дверями и вдруг вспоминаю его в каком-то далеком прошлом, вплоть до мелочей, ветку за веткой, каждый изгиб, что-то родное, давно забытое, но пока пытаюсь сообразить в чем тут дело, бах, ветер захлопывает дверь и ничего больше не видно! – «Я вижу лишь то что позволяет дверь, открытая или закрытая», – заключаю я. – И, вставая, голосом английского лорда, все равно никто не слышит: «Вопроуз открытый есть вопроуз захлопнутый, сэр!» – И смеюсь весь ужин напролет – Ужин: картошка в фольге запеченная на огне, кофе и ломти колбасного фарша поджаренные на палочке, с яблочным соусом и сыром – И когда я зажигаю лампу почитать после ужина, прилетает ночной мотылек на свою ночную смерть – Я на время выключаю лампу и вот мотылек уже спит на стене не догадываясь что я зажег ее опять.

Тем временем между прочим каждый день холодно и облачно, не в том смысле холодно как на Восточном побережье, но сыро, и каждую ночь полнейший туман: звезд не видно совсем – Но и это обстоятельство оказывается замечательным: сейчас «сырой сезон» и другие обитатели каньона обычно приезжающие по выходным не приезжают вовсе, так что я неделями в совершеннейшем одиночестве (а в конце августа, когда солнце победило туман, я был поражен услышав шорканье по всей долине, которая была моей и только моей, попы-

[2] *Роберт Рипли* (1890–1949) – американский график, автор популярной серии карикатур «Хотите верьте, хотите нет», посвященной невероятным, но реальным аномалиям. В 1933 г. открыл в Чикаго первый «оддиториум» – музей, посвященный таким происшествиям. В настоящее время эта франшиза насчитывает 32 музея по всему миру.

тался пойти на берег поцарапать в тетрадке и обнаружил там целые семейства расположившиеся на пикник, а также молодежь которая просто побросала машины на утесе возле моста и слезла вниз) (а также кучки орущего хулиганья) – Так что летний туман – это было отлично, тем более что солнечная погода в августе чревата последствиями в виде порывов штормового ветра, когда все деревья каньона шумят с такой пугающей силой что кажется будто идет-гудет древесная война, и домик трясется так что просыпаешься – И это также один из факторов вызвавших приступ безумия.

Но самый прекрасный день когда я вообще забыл где я, кто я и сколько времени, я с закатанными выше колен штанами провозился в ручье перекладывая булыжники и коряги, чтобы там где я черпаю воду (у песчаного бережка) она не булькала на мели, с мутью и водяными жучками, а неслась чистым глубоким потоком – Я рыл белый песок и укладывал камни таким образом чтобы подставив горло кувшина под струю можно было мгновенно наполнить его чистой стремительной обезжученной питьевой водой – Типа как для водяной мельницы – А чтобы поток не подмывал песчаный берег пришлось выложить его камнями – Солнце клонилось к закату когда я принялся укреплять свою набережную, втыкая меж булыжников камешки поменьше (сопя и шмыгая носом, как играющее день напролет дитя) чтобы ни одна капля не могла просочиться и подмыть бережок, великолепная набережная, а сверху еще дощечка чтобы каждый мог опуститься на колени и зачерпнуть святой водицы – Оторвавшись от целодневных трудов с полудня до заката, с изумлением вспоминаю кто я, где я, что я сделал – Невинность индейца стругающего каноэ в девственном лесу – А ведь как уже сказано, всего несколько недель назад я упал и ударился башкой в Бауэри, и все думали что я серьезно ушибся – Напевая веселую песенку я готовлю ужин, выхожу в лунный туман (луна просвечивает туман насквозь) и с восторгом смотрю как бежит обновленная чистая вода клокоча и чудесно поблескивая – «А когда кончится туман и выйдут луна и звезды, будет еще красивее».

И вот такие вещи – Все эти мелкие радости, я поразился как они изменились и стали зловещими когда я вернулся к ним в грядущем своем кошмаре, даже бедная деревяшечка и выложенный камнями бережок, во что они превратились когда глаза мои рвало и желудок тошнило, и душа моя визжала на тысячу улюлюкающих голосов, ох – Трудно объяснить, и лучшее что я могу – это не фальшивить.

7

Ибо на четвертый день я заскучал и с изумлением записал в дневнике: «Уже скучно?» – Хотя меня потрясли прекрасные слова Эмерсона, когда он говорит (в одной из красивых кожаных книжечек, в эссе «Об уверенности в себе»: человек «освобожден и весел, когда вложил душу в работу и сделал ее как можно лучше») (приложимо как к устройству русла для ручья, так и к написанию дурацких длинных историй вроде этой) – Трубач американского утречка, Эмерсон, предтеча Уитмена, сказавший также: «Детство ничему не подчиняется» – Детство как простота счастливой жизни в лесу, не подчиняющееся ничьим соображениям о том какой должна быть жизнь и что следует делать – «Жизнь – не попытка оправдания» – А когда праздный и злобный филантроп-аболиционист обвинил его в равнодушии к проблеме рабовладения, он сказал: «Любишь дальнего, унижаешь ближнего» (возможно филантроп сам не брезговал услугами негров) – Так что я опять Ти Жан – Дитя, играю, ставлю заплатки, готовлю ужины, мою посуду (на плите все время грелся чайник, чтобы в любой момент можно было плеснуть в сковородку кипятка, добавить «Тайда» чтоб отмокло хорошенько, а потом уже отскрести проволочной мочалкой, сполоснуть и вытереть насухо) – Долгими ночами размышляешь о пользе проволочных мочалок, этих рыжих медных вещиц продающихся в супермаркете по десять центов и бесконечно более интересных для меня чем глупый, бессмысленный роман «Степной волк» который я с недоумением прочел в своей хижине, старый пердун рассуждает о современном «конформизме» и воображает себя невероятным Ницше, несчастный эпигон Достоевского, опоздавший на пятьдесят лет (у него видите ли «персональный ад» потому что ему не нравится то что нравится другим людям!) – Лучше любоваться в полдень оранжево-черной принстонской расцветкой бабочкиных крыльев – А лучше всего выйти ночью на берег послушать море.

Хотя может быть не стоило так уж чересчур пугать и переутомлять себя на ночном берегу, не под силу это простому смертному – Каждый вечер после ужина часов в восемь я надевал свой рыбацкий плащ, вооружался тетрадкой, карандашом и фонариком и пускался в путь (иногда встречая по дороге призрачного Альфа); пройдя под ужасным высоким мостом видел скалящиеся сквозь мглу белые пасти океана; зная местность, я шел вперед, перепрыгивал через береговой ручей, устраивался в своем уголке под утесом недалеко от одной из пещер и сидел там как идиот в темноте занося звуки волн в тетрадку (секретарский блокнот), белую страницу было хорошо видно в темноте так что можно было записывать без фонаря – Я опасался жечь фонарь чтобы не напугать мирно ужинающих жителей домика на утесе – (позже я выяснил что не было там никаких мирных ужинов, просто плотники при ярком свете сверхурочно заканчивали стройку) – А я боялся пятнадцатифутового прилива и все же продолжал сидеть надеясь что Гавайи не пришлют приливную волну или я хоть успею разглядеть ее в темноте, идущую издалека и высокую как Грумус – Однажды ночью я все-таки испугался и забрался на десятифутовую скалу у подножия большого утеса, а волны рычали: «зверея, он таранил ворота крруш кррошшш» – особенным ночным голосом – Море длинно не говорит, у него короткие фразы: «который? лично он? он полощет… он самый, ах гром» – Фантастическая бессмыслица но я чувствовал что должен это делать, ведь Джеймс Джойс не успел, умер (и я думал: «Надо на будущий год записать говор Атлантики, например на ночном берегу в Корнуолле, или мягкое биение Индийского океана, может быть в устье Ганга») – Сижу и слушаю как волны на разные голоса толкуют песку: «плюх ба-бах, ах приманка-калан в ракушечнике, заманить, привадить всех ангелов моря» и так далее (полностью стихи, сочиненные морем, можно найти в приложении к этой книге озаглавленном «Море: Звуки Тихого океана у Биг-Сура» – *Дж. К.*) – Порой взглядываю наверх где несутся по мосту автомобили и думаю: что увидали бы они в этой сумрачной туманной ночи если

бы знали что в тысяче футов внизу на яростном ветру сидит безумец во тьме, пишет во тьме биение моря – Так сказать морской битник, а ну попробуйте назвать меня битником за это, кто смелый – Огромная черная скала, кажется, движется – Мрачная грозная ревущая уединенность, не всякому под силу, я вам говорю – Я *бретонец!* – кричу я и чернота отвечает: «Les poissons de la mer parlent Breton» («Рыбы морские говорят по-бретонски») – И все же я хожу туда каждую ночь, не могу сказать чтобы мне это нравилось, но я должен (и видимо это свело меня с ума) записывать звуки моря, всю эту сумасшедшую поэму «Море».

И как на самом деле всегда приятно уйти оттуда, вернуться в нормальный человеческий лес, в избушку где еще не остыл очаг, к лампе бодхисатвы, банке с папоротником на столе и коробке чая «Жасмин», все такое милое после всех этих скал и потопов – И я жарю полную сковородку прекрасных оладок и говорю: «Блажен кто может испечь себе хлеб» – Вот так вот, три недели счастья – И сигареты я сам скручиваю – Я уже говорил что иногда медитирую на фантастической полезности копеечных вещиц типа проволочной мочалки, вообще у меня в рюкзаке множество замечательных предметов, например двадцатипятицентовый шейкер в котором я только что взбил тесто для оладок, а также неоднократно пил из него горячий чай, вино, кофе, виски и даже хранил в нем чистые платки когда путешествовал – Крышка шейкера – моя священная чаша, пять лет уже она со мной – И многое другое, куда ценнее чем ненужные дорогие вещи которые покупаешь и никогда не пользуешься – Взять хотя бы мягкий черный спальный свитер, ему уже тоже пять лет, и влажным летом в Суре я ношу его сутками, в холод поверх фланелевой рубашки, а ночью залезаю в нем в спальник – Чрезвычайно полезная и ценная вещь – А дорогие вещи как-то не пригождаются, например шикарные штаны которые я купил для недавней записи в Нью-Йорке и прочего телевидения и с тех пор ни разу не надел, или плащ за сорок долларов который я не ношу потому что у него боковые карманы фальшивые, без собственно карманов (платишь за лейбл и так называемый фасон) – Или дорогой твидовый пиджак купленный для телевидения и более не пригодившийся – Две дурацкие спортивные рубашки купленные для Голливуда и с тех пор ни разу не надеванные – по девять баксов каждая! – И я чуть ли не со слезами вспоминаю старую зеленую футболку которую нашел, между прочим, восемь лет назад, между прочим, на СВАЛКЕ в Уотсонвилле, Калифорния, между прочим, и уж носил ее носил, и до чего удобная была! – так же вот я прокладывал новое глубокое русло для ручья чтобы вода была чистая, и полностью растворился в этом подобно играющему ребенку, такие мелочи в счет (клише – это трюизмы, а трюизмы от слова «true», то есть правильные) – На смертном одре вспомню я день ручья, а не тот день когда студия MGM купила мою книгу, вспомню старую зеленую майку а не сапфировые одеяния – Наверное лучший способ войти в Царствие Небесное.

Днем я возвращаюсь к морю босиком, останавливаюсь почесать щиколотку пальцем ноги, слушаю биение волн и вдруг они говорят: «Невинен ли ты, дабы постичь глубины мои» – Иду домой заваривать чай.

Летний день —
Нетерпеливо жуешь
Листик «Жасмина»

В полдень все же всегда появляется солнце, с силой падает на мое славное высокое крыльцо где сижу я за кофе и книжками и думаю о древних индейцах тысячелетиями населявших этот каньон, о том что с какого-нибудь десятого века долина в сущности не изменилась, только деревья другие, и что древние индейцы всего лишь предки недавних, образца 1860 года – И как они все умерли и тихо унесли с собой все свои скорби и восторги – Что ручей был наверное на дюйм глубже, потому что за последние шестьдесят лет из-за вырубки

леса воды в горах поубавилось – Как местные женщины собирали желуди, желуди или шмолуди, а вот я в конце концов нашел настоящие орехи, сладкие оказались – А мужчины охотились на оленей – На самом деле бог его знает что они делали, меня там не было – Но это та же самая долина, и тысячелетняя (приблизительно) пыль на их следах 960 года – И насколько я понял мир слишком стар чтобы мы могли говорить о нем своими новыми словами – И мы так же тихо пройдем сквозь жизнь (пройдем, пройдем) как люди десятого века, населявшие эту долину, может чуть погромче, со своими мостами, дамбами и бомбами от которых через миллион лет ничегошеньки не останется – Мир есть мир, движется и проходит, на самом деле далеко уже ушел и не о чем сожалеть – Даже у скал были свои древние каменные предки, миллиард миллиардов лет назад, и от них не осталось ни звука жалобы – Ни от пчелы, ни от мидии, ни от морского ежа – Так оно было и есть, никуда не денешься, смотришь на мир и видишь, все перед носом – Глядя на долину я понимаю также что надо готовить обед, и он ничем не будет отличаться от обеда тех древних людей, и вообще обед это вкусно – Все неизменно, все едино, туман говорит: «мы туман, мы летим и рассеиваемся как мимолетность», листья говорят: «мы листья, шелестим на ветру, вот и все, вырастаем и падаем» – Даже бумажные пакеты в мусорной яме говорят: «Мы бумажные пакеты сделанные человеком из древесной массы и даже гордимся что будем бумагой до конца, сколько возможно, но с приходом дождей смешаемся вновь с братьями нашими листьями» – Пни говорят: «Мы пни выкорчеванные людьми или ветром, у нас большие щупальца-корни чтобы тянуть ими соки земли» – Люди говорят: «Мы люди, корчуем деревья, штампуем пакеты, думаем умные мысли, готовим обед, смотрим вокруг, изо всех сил стараясь понять что все едино» – А песок говорит: «мы песок, мы уже все знаем», а море говорит: «мы подступаем и отступаем, грохочем и плещем» – А пустое синее небо говорит: «Все это возвращается ко мне и уходит опять и опять возвращается и уходит опять, мне-то что, все равно все мое» – И добавляет: «Не зовите меня вечностью, зовите если хотите Богом, все вы, говорящие, уже в раю: лист есть рай, пень есть рай, бумажный пакет есть рай, человек есть рай, песок есть рай, море есть рай, человек есть рай, туман есть рай» – Можете себе представить что человек с такими врубами через месяц сойдет с ума? (ибо вы должны признать что все эти говорящие пески и пакеты говорили правду) – Но я помню как вдруг куча листьев взлетела на воздух, упала в ручей и понеслась в сторону моря, пробудив во мне уже тогда безымянный ужас: «О господи, всех нас смоет в море, что бы мы там ни знали, ни говорили, ни делали» – И птица сидевшая на кривой ветке внезапно пропала, я даже не слышал как.

8

Но лунно-туманная ночь и огонь цветет в очаге – Вот я даю яблоко мулу и он берет его большими губами – Вот сойка пьет мою сгущенку закидывая голову с капелькой молока на клюве – Вот енот или крыса скребется где-то в ночи – Вот бедняжка-мышь грызет свой еженощный ужин в скромном уголке где я поставил ей блюдечко лакомств: сыр и шоколадные карамельки (ибо прошли те дни когда я убивал мышей) – Вот енот в своем тумане, вот человек у своего очага, и оба они одиноки пред Богом – Вот я возвращаюсь со своих ночных морских бдений бормоча и спотыкаясь как старый бхикку – Вот в луч фонарика ловится внезапный енот, вцепляется в ствол, сердчишко колотится в ужасе, но я кричу по-французски: «Привет, человечек» *(«Allo ti bonhomme»)* – Вот оливки, 49 центов банка, импортные, с душистым перцем, я ем одну за другой размышляя о вечереющих холмах Греции – А вот мои спагетти с томатным соусом, оливковое масло и винегрет и яблочный соус-приправа, батюшки, и черный кофе, и сыр рокфор, и послеобеденные орехи, батюшки светы, прямо в лесу – (Десяток вкуснейших оливок неторопливо съеденных в полночь – куда там шикарным ресторанам) – Вот настоящее время груженное спутанными лесами – Вот птица-муж смолкает на ветке под взглядом птицы-жены – Вот рукоятка топора, изящная точно балет Эглевского – Вот гора Мьен-Мо, укутана августовским сияюще-лунным туманом, высится великолепно среди прочих вершин розовея размытыми ярусами как на классических шелкографиях Японии и Китая – Вот жучок, беспомощный бескрылый ползун, тонет в бидоне с водой, я достаю его оттуда и он тупенько бродит по ступеньке порога пока мне не надоедает смотреть – Вот паук в углу уборной, у него свои дела – Вот мой запас копченой грудинки свисает с крюка под потолком хижины – Вот лунатик лунный псих рассмеялся и затих – Вот сова ухает на причудливом дереве Бодхидхармы – Вот цветы и смолистые бревна – Вот обычный огонь и кормление его дровами, деяние заботливое но рассеянное, которое подобно всем деяниям является не-деянием (У Вэй) и в то же время медитацией, особенно потому что все огни как и все снежинки всегда разные – Да, вот смоляное очищение пылающего бревна – Да, распиленное бревно превращается в уголь напоминая город Гандхарв или западный склон холма на закате – Вот метла нашего бхикку, вот чайник – Вот кружевная тучная задница нависла над песком, над морем – Вот все эти жадные приготовления ко сну чтобы уж поспать как следует, как-то в поисках спальных носков (чтобы не пачкать спальник изнутри) я обнаружил что напеваю: «*A donde es*[3] мое носочество?» – Да, а там в долине мул мой Альф, единственная живая душа в округе – Вот посреди сна является луна – Вот вещество Вселенной, оно же божественное вещество, где ж ему еще быть? – Вот оленье семейство в сумерках на дороге – Вот покашливает в осоке ручей – Вот муха у меня на пальце трет лапками нос, затем ступает на страницу книги – Вот колибри хулигански вертит башкой – Вот все вот это, все мои светлые мыслишки вплоть до дурацкого стишка к морю: «В море ссал однажды я, к соли соль, к струе струя» – и все ж таки через три недели я сойду с ума.

Казалось бы, можно ли сойти с ума после такой расслабухи – ан нет: вот зловещие знамения, что что-то не так.

[3] Где *(исп.)*

9

Первое знамение было получено мною после того чудесного дня когда я ходил обратно к шоссе, к почтовому ящику у моста, бросить письма (одно маме, с приветом и поцелуем Тайку, моему коту, другое старому приятелю Джульену, подписанное «to Rusty Coalnut from Runty Onenut»[4], и поднимаясь я видел далеко внизу, в полумиле отсюда среди старых деревьев мирную крышу домика, крыльцо, лежанку и свой красный платок на скамье рядом (простая картинка – вид собственного платка в полумиле внизу – наполнила меня неизъяснимым счастьем) – На обратном пути присел помедитировать в рощице где обычно спал Альф Осел Священный и увидел розы нерожденного внутри своих закрытых глаз так же ясно как тот красный платок или свои следы от моста до песчаного побережья; увидел или услышал слова «Розы Нерожденного», сидя скрестив ноги на мягкой поляне, ощутил страшную тишь в сердцевине жизни, но вместе с тем и странную подавленность, будто предчувствие завтрашнего дня – Ближе к вечеру пошел на море и там вдруг сделал глубокий йоговский вдох дабы вобрать в себя весь этот добрый морской воздух, но каким-то образом передознулся то ли йодом, то ли злом, может, дело в скальных пещерах или водорослевых городах, но сердце зашлось – Думал поймать дыхание здешних мест а сам чуть сознание не потерял, и это не экстатический обморок святого Франциска а некий ужас перед вечным состоянием болезненной смертности во мне – Во мне и в каждом – Я ощутил себя совершенно голым, лишенным всех этих защитных приспособлений типа медитаций под деревьями, мыслей о жизни и «высшем» и всей этой фигни и всех этих жалких отмазок типа готовить ужин или приговаривать: «Ну-с, что будем делать? дрова рубить?» – Я вижу себя обреченным, жалким – Ужасно сознавать что всю жизнь дурил себя думая что надо что-то делать чтобы спектакль продолжался, а на самом деле я всего лишь несчастный клоун, шут гороховый, как и все прочие – Все это настолько жалко что никаким усилием здравого смысла не вытащить душу из жуткого зловещего состояния (смертной безнадеги) и я так и сижу на песке еле отдышавшись и пялюсь на волны которые вдруг вовсе и не волны, с таким тупым и растоптанным видом, какого Господь если Он есть не видывал должно быть за всю свою кинокарьеру – *Eh vache*[5], аж писать противно – Все мои уловки раскрыты и даже осознание того что они раскрыты само по себе раскрыто как уловка – Море, кажется, кричит мне: «СТУПАЙ К СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ НЕ БОЛТАЙСЯ ЗДЕСЬ» – Ибо в конце концов море наверное вроде Бога, Бог не просит нас унывать и страдать и торчать возле моря в холодную полночь записывая бессмысленные звуки, Он дал нам орудия уверенности в себе, чтобы пробиваться сквозь дурную смертность жизни к раю, может быть, смею надеяться – Но несчастные вроде меня даже не знают этого, и когда оно является мы изумлены – Ах, жизнь все равно есть ворота, путь, дорога в рай, отчего не жить для веселья, радости и любви или какой-нибудь девушки у очага, почему не идти навстречу своему желанию, не СМЕЯТЬСЯ… но я убежал с побережья и никогда не возвращался без тайного знания: оно не хочет меня, дурак я что лезу к нему, у моря есть волны, у человека очаг, точка.

Это и было первое знамение моего грядущего кувырка – А еще в день отъезда когда я собрался автостопом во Фриско, всех повидать, и вообще мне надоела моя еда (кисель забыл, после всего этого копченого сала и кукурузной муки без киселя в лесу никуда) (или без кока-колы) (или без чего-нибудь еще) – И вот пора ехать, я уже напуган этим йодистым ударом у моря и скукой в хижине, беру всю еду которая может пропасть, долларов на двадцать, и

---

[4] Что-то вроде «Угольку Ржавореху от Коротышки Единореха», если тут нет подводных значений; учтем также, что «nut», т. е. орех, на сленге означает «псих». *Прим. пер.*

[5] Ах, черт *(фр.)*.

раскладываю на доске перед крыльцом для соек, енота, мыши и всех остальных, собираюсь и ухожу – Но перед уходом соображаю: домик-то все же не мой (вот оно второе знамение безумия), я не имею права прятать хозяйский крысиный яд, как делал подкармливая мышь – И вот как добропорядочный гость в чужом доме я снимаю крышку с крысиного яда, но в качестве компромисса просто оставляю банку на полке чтоб никто не упрекнул – Так и ухожу – А пока меня не было, а… Сейчас узнаете.

10

Вставленный, бодрый и устремленный в никуда, как сказал бы Хуэй-нен[6], я впри-прыжку удаляюсь прочь от моего милого убежища, с рюкзаком за спиной, выдержав всего три недели и всего три-четыре дня скуки, город притягивает меня – «Уходишь в радости, возвращаешься в печали», – говорит Фома Кемпийский[7] о глупцах что спешат на поиски удовольствий, как школяры субботним вечером спешат к припаркованной машине, болтая, поправляя галстуки и в предвкушении потирая руки, чтобы проснуться воскресным утром в скорбных кроватях, постланных маменькой – Когда я выхожу с каньонной тропы на шоссе по эту сторону моста, погода отличная – и вот они тысячи и тысячи туристов, ползут в своих машинах по опасным поворотам охая и ахая на величественную синюю панораму моря моющего калифорнийское побережье – Я уверен что в два счета доеду до Монтерея, а там на автобус и к ночи попаду во Фриско, на большую шумную пьянку со всей компанией, уже наверно вернулся Дейв Уэйн, да и Коди всегда готов оторваться, опять же девочки, все дела – я совсем забыл как всего три недели назад в ужасе бежал из этого липкого города – Но не велело ли мне море возвращаться к моей собственной реальности?

Но как же все-таки красиво, особенно вид на север где берег разворачивается прихотливыми изгибами и дремлют горы под медленными облаками, прямо древняя Испания или на самом деле настоящая староиспанская Калифорния, старый пиратский Монтерей каким он предстал испанцам когда они вышли из-за поворота на своих великолепных шлюпах и увидели сонную тучную сушу над барашковым ковриком прибоя – Прямо Земля обетованная – Магия старого Монтерея, Биг-Сура и Санта-Круса – И я самонадеянно поправляю лямки рюкзака и топаю по обочине оглядываясь через плечо, чтобы голосовать.

Я уже несколько лет не ездил стопом и вскоре начинаю понимать что в Америке кое-что изменилось и подвозить перестали (особенно конечно на такой чисто туристической трассе, ни грузовиков, ни служебных машин) – Лоснящиеся длинные фургоны всех расцветок, белые, розовые, голубые, один за другим мягко шуршат мимо, за рулем муженек в дурацкой бейсболке с длинным козырьком, придающей ему бессмысленно-идиотский вид – Рядом женушка, главный американский босс, с ухмылкой и в темных очках, если он даже захочет меня подобрать, она ни за что не позволит – А на заднем сиденье детки, детишки, детишечки, миллионы детишек всех возрастов визжат и дерутся из-за мороженого, пачкая ванильной сластью новые тартановые чехлы – Нет больше места стопщику, хотя казалось бы можно запихнуть эту сволочь, как кроткого преступника или молчаливого убийцу, в самый дальний отсек фургона, но увы, нет! там болтается десять тысяч вешалок с прекрасно вычищенными и выглаженными костюмами и платьями всех размеров, чтобы выглядеть семейством миллионера, если вздумается перекусить яичницей с ветчиной в придорожной столовой – Стоит папашиным брюкам слегка помяться, его немедленно заставят переодеться в свежеснятые с вешалки и гнать дальше, вот так вот, мрачно, хотя втайне он возможно вздыхает о старой доброй рыбалке в одиночку или с друзьями – Но сегодня, в 1960-х, всеми его помыслами владеет Ассоциация родителей и учителей и некогда тосковать по большой реке, по старым заношенным штанам, связке свежепойманной рыбы, палатке и ночному костру за бутылочкой бурбона – Пора привыкать к мотелям и паркингам, носить в салон салфетки для всей оравы и мыть машину прежде чем пуститься в обратный путь – А если ему охота исследовать тихие тайные отдаленные уголки Америки, хода нет, теперь штурманом стала леди с ухмылкой и в темных очках, сидит ухмыляясь над своей заранее заготовленной картой

---

[6] *Хуэй-нен* (638–713) – шестой патриарх дзен-буддизма.

[7] *Фома Кемпийский* (ок. 1379–1471) – немецкий монах, предполагаемый автор сочинения «О подражании Христу».

маршрутов, какие распространяют среди отпускников радостные агенты в галстуках, да и сами отпускники были бы в галстуках (раз уж на то пошло), но отпускная мода – спортивная рубашка, бейсболка с длинным козырьком, темные очки, глаженые брюки и первые ботиночки младенца, болтающиеся в золотом свете над приборным щитком – И тут я такой красивый стою на трассе с прискорбно огромным рюкзачищем и возможно с некоторым ужасом в глазах от тех ночей на берегу под гигантскими черными скалами, для этих людей просто апофеоз противоположности всем их отпускным идеалам, и конечно они едут мимо – Наверное тысяч пять машин, ну может три, проехало мимо в тот день и никто и не подумал остановиться – Что поначалу нисколько не напрягло меня; любуясь великолепным побережьем я думал: «Ну и что, прогуляюсь, подумаешь, четырнадцать миль» – А по дороге можно увидеть много интересного: морских львов тявкающих на скалах внизу, тихие старые бревенчатые фермы на холмах или стада коров пасущихся и красующихся на сонных лугах на фоне безбрежно-синего океана – Но у походных башмаков моих сравнительно тонкие подметки, солнце раскаляет дорогу, жар проникает насквозь и я постепенно натираю ноги – Хромаю и думаю: что ж такое? ага, понятно, волдыри – Сажусь на обочину, разуваюсь, достаю аптечку, мажу мазью, перевязываю, иду дальше – Но тяжесть рюкзака плюс жар от дороги делают свое дело, ноги болят все сильнее, пока я не соображаю что необходимо поймать машину или я никогда не доберусь до Монтерея.

Но туристы, благослови их Бог, не знают что со мной, думают пошел парень в поход, ну и катят мимо, голосуй не голосуй – Похоже, я попал, семь миль позади, но впереди еще семь а я не могу ступить ни шагу – Кроме того хочется пить, а по дороге ни заправок, ничего – Ступни горят и кровоточат, день превращается в сплошную пытку, с девяти утра до четырех дня я прополз девять миль, наконец принужден сесть и менять повязки – Обувшись могу лишь кое-как семенить чтобы не слишком тревожить волдыри – Так что туристы (которых к вечеру становится меньше) ясно видят: хромает по трассе человек с тяжелым рюкзаком и просит подвезти, но боятся: вдруг это голливудский киношный хичхайкер с пушкой за пазухой, мало ли, еще рюкзак этот, вдруг он сбежал с кубинской войны – А если у него там расчлененка? Но как уже сказано я их не виню.

Единственная машина которая могла бы меня подобрать едет в другую сторону, обратно к Суру, раздолбанная колымага откуда машет мне бородатый дядька, небось фолкер из серии «Южный берег, милый берег», но в конце концов маленький грузовичок причаливает к обочине в полусотне футах впереди и я из последних сил ковыляю к нему по лезвиям ножей в моих ступнях – Парень с собакой – Довезет до ближайшей заправки, а там поворачивает – Но узнав что у меня беда с ногами довозит прямиком до автостанции в Монтерее – Жест доброй воли – Без особых причин, и я особо не жаловался, просто мельком упомянул что ноги натер.

Я хочу угостить его пивом, но он едет домой ужинать, так что я захожу на станцию, отряхиваюсь, переодеваюсь, перепаковываюсь, оставляю рюкзак в камере хранения, покупаю билет и потихонечку хромаю гулять по полным голубого тумана улицам Монтерея, легкий как перышко и счастливый как миллионер – Все, это был мой последний стоп – И знак: «Посадки нет».

11

Следующее знамение – во Фриско, когда, отлично выспавшись в гостиничке на скидроу, я отправляюсь к Монсанто в книжную лавку «Огни большого города», он рад мне, улыбается: «А мы как раз в следующие выходные собирались тебя навестить, надо было подождать», но что-то в его выражении не то – И когда мы остаемся одни, он говорит: «Твоя мама прислала письмо – кот у вас помер».

Для большинства людей смерть кота – ерунда, для меньшинства – кое-что значит, но для меня, честное слово, это все равно что смерть младшего братца – Я его ужасно любил, еще детенышем он спал у меня на ладони свесив башку или просто мурлыкал пока я таскал его так часами – Пушистым меховым браслетом обвивался вокруг запястья и мурчал-мурчал, причем когда он вырос, я все равно его так носил, совсем уже большой был кот, поднимешь его двумя руками над головой, а он все мурлычет, полностью мне доверял – И отбывая из Нью-Йорка в свое лесное убежище я поцеловал его на прощанье и велел ждать меня: «Attende pour mué kitigingoo[8]» – Но мама написала что он умер на следующую же ночь! Может быть вы лучше поймете меня, если сами прочтете письмо:

«Воскресенье, 20 июля 1960. Дорогой Сын, боюсь, тебя не порадует мое письмо, потому что новости плохие. Даже не знаю как сказать, но крепись, милый. Я сама еле держусь. Малыша Тайка больше нет. В субботу он был в полном порядке и кушал хорошо, а ночью я смотрела кино по телевизору. Примерно в полвторого стало его тошнить и рвать. Я хотела помочь, но бесполезно. Его трясло как от холода, я завернула его в Одеяло и его стошнило прямо на меня. Тут и пришел ему конец. Надо ли говорить каково мне теперь и через что я прошла. Не спала «до Рассвета», все пыталась как-то оживить его но куда там. К четырем часам я поняла что это все, в шесть вышла копать могилку. В жизни не делала ничего печальнее, сердце мое разрывалось когда я хоронила бедняжку нашего любимого Тайка, ведь он такой же человек как мы с тобой. Закопала я его под жимолостью, в углу у забора. Ни спать ни есть не могу. Все смотрю и думаю: вдруг выйдет из подпола, замяучит «мау, вау». Просто совсем заболела, а самое странное было когда хоронила: черные Дрозды, которых я кормила всю Зиму, как будто поняли что случилось. Ей-богу Сынок, правда. Прилетела целая стая, много-много, они кружили над головой и кричали, и когда все было сделано целый час еще сидели на заборе, не улетали – Никогда не забуду – Жалко фотоаппарата не было, но Бог и я знаем и видели. Милый мой, знаю как тебя это расстроило, но я должна была как-то написать… Теперь вот болею, не телом а душа болит… Прямо поверить и понять не могу, как это так нет больше нашего Малыша Тайка – не увижу никогда как он вылезает из своего «Домика» или Гуляет по зеленой травке… P. S. Домик-то придется мне разобрать, не могу смотреть как он стоит пустой – вот так. Милый, пиши мне скорей и береги себя. Молись настоящему «Богу» – Твоя старая Мама х х х х х х».

И когда Монсанто мне это сказал – а я сидел счастливо улыбаясь как всякий покончивший с долгим уединением, будь то лесная избушка или больничная койка – бац, сердце так и ухнуло, с такой же идиотской беспомощностью как тогда у моря, когда я сделал слишком глубокий вдох – все предчувствия одно к одному.

Монсанто видит что я страшно расстроен, видит как моя улыбочка (с самого Монтерея, просто от радости вернуться из отшельничества в мир, бродить по улицам взирая на все подряд с мона-лизьей благосклонностью) – как эта улыбочка тает превращаясь в гримасу боли – Откуда ему знать, я ведь не рассказывал ему и сейчас вряд ли стану рассказывать, что мои отношения с этим да и со всеми предыдущими котами всегда были немножко странными:

[8] Жди меня, котенька *(фр.)*.

я каким-то образом психологически отождествлял их со своим умершим в детстве братом Жераром, который меня трех-четырехлетнего научил любить кошек, мы с ним лежали на полу на животах и смотрели как они лакают молоко – Смерть Тайка – смерть «братца» – Монсанто видит в каком я состоянии и говорит: «Может тебе лучше вернуться в лес еще на пару недель – или хочешь опять напиться?» – «Напиться хочу, да» – Ведь все равно как-то все уже назрело, все ждут, я так мечтал в лесу о тысяче безумных вечеринок – Хорошо еще что я узнал о смерти Тайка в моем любимом развеселом Сан-Франциско, дома бы просто с ума сошел, а так сразу пошел и надрался с ребятами, и радостная улыбочка время от времени возвращалась ко мне – и исчезала опять ибо сама по себе стала теперь напоминанием о смерти, и под конец трехнедельного угара новости все же свели меня с ума, обрушившись на меня в тот ужасный день Святой Каролины Морей, как я его называю – Нет, надо по порядку, иначе все путается.

Тем временем бедняга Монсанто, литературная душа, хочет перетереть со мной всякие литературные новости, кто что пишет и поделывает, а потом в лавку приходит Фейган (в подвал где стоит старинное конторское бюро, тоже повод для расстройства: всю юность мечтал я о деловой литературной жизни и о таком вот бюро, сочетая образ отца с образом самого себя как писателя, а Монсанто этого достиг в два прыжка – Широкоплечий, голубоглазый, розовощекий Монсанто с вечной улыбкой из-за которой его прозвали в колледже Смайлером, улыбкой про которую часто думаешь: «она правда настоящая?» – пока не понимаешь, что если Монсанто вдруг перестанет ее носить, мир возможно рухнет – Настолько неотделимая от него улыбка что исчезновение ее просто немыслимо – Слова, слова, слова, на самом деле отличный парень, вот увидите, и сейчас он по-человечески сочувствует, понимая что не следует мне с горя пускаться в запой: «В любом случае, – говорит, – ты же можешь вернуться туда попозже, а?» – «О’кей, Лорри» – «Написал чего-нибудь?» – «Записывал звуки моря, потом все расскажу – Блин, это были самые счастливые три недели в моей жизни, а теперь вот надо же, бедный Тайк – Ты б его видел, такой огромный прекрасный персиковый» – «Ну ничего, есть же мой пес Гомер – и кстати как там Альф?» – «Альф Осел Священный, хе-хе, стоит себе в тени под деревом, случайно увидишь – можно и испугаться, но я его кормил, яблоками там, дробленой пшеницей» – (как печальны и терпеливы звери, подумал я, вспомнив глаза Тайка и глаза Альфа, эх смерть, только подумать, эта возмутительная и странная вещь настигает всех людей да и Смайлера настигнет, беднягу Смайлера, и беднягу пса его Гомера и всех нас) – Самое ужасное – каково там сейчас моей маме одной в доме без маленького друга за три тысячи миль отсюда (и представьте себе, потом я узнал что какие-то дурацкие битники в поисках меня высадили дверное стекло и так перепугали ее что она вынуждена была до самого конца лета забаррикадировать дверь мебелью).

Но вот старина Бен Фейган хмыкает и пыхтит трубочкой, так какого черта вешать на взрослых людей, поэтов между прочим, свои проблемы – И мы с Беном и его дружком Джонси, таким же хмыкающим трубокуром, заходим в бар («Майкз-Плейс») по пиву, поначалу клянусь не напиваться, мы даже отправляемся в парк и долго беседуем на солнышке которое в этих краях всегда сменяется восхитительными дымчатыми сумерками – Мы сидим в парке возле большой белой итальянской церкви, смотрим на играющих детей, на прохожих, меня почему-то поражает спешащая мимо блондинка: «Куда она торопится? ждет ли ее тайный любовник-матрос? или просто сверхурочная машинопись в конторе? представляешь, Бен, если бы мы знали куда идут все эти люди, к какой двери, в какой ресторан, на какое тайное свидание» – «Похоже сидя там в лесу ты накопил кучу энергии, сокровенной внутренней жизни» – Уж Бен-то знает, сам месяцами жил в лесах – Бен здорово исхудал за пять лет, с тех веселых пор как мы были бродягами Дхармы, но это все тот же старина Бен, что похмыкивая склоняется за полночь над Ланкаватара-сутрой и пишет стихи о дождевых каплях – Уж он-то меня знает, он знает что этой ночью я напьюсь и буду пить несколько

недель как положено, пока не допьюсь до такой степени изнурения что уже ни с кем не смогу разговаривать, и тогда он придет и будет просто молча сидеть рядом и попыхивать своей трубочкой пока я сплю – Такой уж он человек – Я ему про Тайка, но некоторые люди любят кошек, а некоторые нет, хотя у Бена дома всегда какой-нибудь котенок водился – У него на полу соломенная циновка а на ней подушка, и Бен сидит на подушке скрестив ноги перед дымящимся чайником, а на полках сплошной Паунд, Уоллес Стивенс и Гертруда Стайн – Странный спокойный поэт в ком только-только начали распознавать большого тайного мудреца (у него есть строчки: «Когда я уезжаю из города, все друзья возвращаются в загул»). Вот и я сейчас собираюсь в загул.

Ведь все равно вернулся Дейв Уэйн, так и вижу как он потирает руки в предвкушении очередного отрыва, как год назад когда он вез меня с Западного побережья в Нью-Йорк с япошкой-хипстером Джорджем Басо, дзен-мастером, на матрасе в заднем отсеке джипа (по кличке «Вилли»), лихо мы прокатились, через Лас-Вегас и Сент-Луис, ночевали в дорогих мотелях и всю дорогу пили только лучший шотландский виски из горла – Насколько приятнее ездить вот так чем угрохать 190 долларов на самолет – Кроме того Дейв еще не знаком с нашим великим Коди и мечтает познакомиться – И мы с Беном неторопливо идем из парка в бар на Коламбус-стрит, где я заказываю первый двойной бурбон с имбирным элем.

Снаружи мерцает огнями сказочная игрушечная улица, я чувствую как веселье растет в груди – Теперь я вспоминаю Биг-Сур с пронзительно-ясной любовью и болью, и даже смерть Тайка как-то вписывается во все это, правда я еще не догадываюсь насколько чудовищно то что предстоит – Мы звоним Дейву Уэйну вернувшемуся из Рено и он подъезжает к бару на своем джипстере, он великолепный водитель (когда-то работал таксистом), болтает без умолку и никогда не делает ошибок, на самом деле не хуже Коди, правда это трудно себе представить, назавтра я даже спрашиваю Коди так ли это – Но опытные водилы ревнивы, они всегда ищут друг у друга ошибки: «Да ну что там твой Дейв Уэйн, он поворачивать не умеет, притормаживает вместо того чтобы пролетать поворот на полной скорости, их делать надо, повороты» – Между прочим кстати говоря мне столько надо сказать о последующих трех роковых неделях что я даже не знаю с чего начать.

Жизнь вообще на самом деле – До чего разнообразна! – «А как там старичок Джордж Басо?» – «Старичок Джордж Басо, в общем-то, помирает от тюбика в больнице под Туларе» – «Ох, Дейв, надо же его навестить» – «Так точно, сэр, давай завтра» – Дейв как всегда без денег, но мне-то что, у меня их море, назавтра я иду и меняю чеки на пятьсот долларов, вот я каков, так что старина Дейв отлично оттянется – Дейв не дурак пожрать и выпить, да и я не откажусь – Еще он зацепил в Рино парнишку по имени Рон Блейк, симпатичный блондинчик мечтающий стать певцом, звездой, новым Четом Бейкером и щеголяет хипстерскими манерами, которые, может, прокатили бы пять, десять или даже двадцать пять лет назад, а сейчас это позерство, я врубаюсь что он разводила и пытается как-то развести Дейва (непонятно только на что) – А Дейв Уэйн такой длинный поджарый рыжий валлиец, вечно норовящий свалить на своем «Вилли» на рыбалку в Орегон на Рог-ривер, где он знает заброшенный шахтерский лагерь, или пошляться по пустынным дорогам, а потом внезапно появиться в городе и устроить гулянку, при этом замечательный поэт и есть в нем что-то такое чему хотят подражать хипстерствующие парнишки – Едва ли не лучшее трепло в мире, забавное невероятно – Вот увидите – Это они с Джорджем Басо открыли фантастически простую истину, что вся Америка разгуливает с грязной задницей, ибо современная гигиена отвергла древний ритуал омовения после сортира – говорит Дейв: «Американцы возят с собой все эти вешалки с глаженными шмотками как ты верно заметил, обливаются с головы до ног одеколоном, носят подмышечные прокладки или что у них там под мышками, падают в обморок при виде пятнышка на рубашке или платье, белье и носки меняют наверное по два раза в день, ходят такие важные, думают что они самые чистые люди на земле, а задницы у них грязные – Скажи

прикол? а ну-ка дай присосаться» – и тянет руку к моему бухлу, я заказываю еще два, я увлечен, Дейв может заказывать все что угодно в любом количестве – «Президент Соединенных Штатов, епископат, министры-шминистры, большие шишки, все вплоть до распоследнего рабочего на заводе со всей его свирепой гордостью, кинозвезды, служащие, главные инженеры, президенты юридических и рекламных агентств в шелковых рубашках с галстуками, с дорогими чемоданчиками где хранятся всяческие дорогущие английские импортные массажные щетки, бритвенные приборы, помады и духи, – все они ходят с грязной жопой! А всего-то нужно мыть ее с мылом! и ни единому человеку в Америке это в голову не пришло! ничего смешнее быть не может! и при этом они называют нас грязными немытыми битниками – в то время как у нас единственных чистые задницы!» – Вся эта тема с мытьем задницы быстро распространилась от побережья до побережья, и все знакомые, мои и Дейва, пустились в этот великий крестовый поход, и надо сказать неплохая идея – Я вообще у Монсанто в сортире учредил полку для мыла и каждый должен был приносить туда банку с водой – Монсанто об этом еще не знал: «Ты понимаешь, что пока мы не скажем бедному Лоренсо Монсанто, великому писателю, что он ходит с грязной жопой, он так и будет ходить?» – «Давай скажем прямо сейчас!» – «Конечно, промедление смерти подобно… кроме того ты знаешь, как это действует на людей? у них образуется зияющее чувство вины, причем они сами не понимают откуда оно берется, они едут на работу в электричке благоухая свежим бельем и одеколоном, но что-то их грызет, что-то не так, они чувствуют это и не знают в чем дело!» – И мы мчимся за угол, в лавку Монсанто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.